

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брун Ф.К. Одесское общество истории и древностей, его записки и археологическое собрание. Одесса, 1870.
2. Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1844-1922. Т. 1-33.
3. Directory on scientific societies of Russia / By I. Komarova. N. Y.: N. Ross Publishing, 2000.
4. Medieval Association of the Pacific (MAP) // www.cmrs.ucla.edu; Australian and New Zealand Association for Medieval and Early Modern Studies (ANZAMEMS) // www.anzamems.arts.uwa.edu.au; Southern African Society for Medieval and Renaissance Studies (SASMARS).
5. International Congress on Medieval Studies at Kalamazoo / Western Michigan University // www.wmich.edu/medieval/congress; Jornades de Estudios Medievales / Buenos Aires University // www.medievaliso.org; «Medievalia» — Congresso Internacional / Mexico City University // www.walddemoheno.net/jornadasmedievales.htm.
6. Labyrinth. Resources fro Medieval Studies / By Georgetown University // www.labyrinth.georgetoown.edu; The ORB On-line Reference Book for Medieval Studies // www.the-orb.net; Internet Medieval Sourcebook / By P. Halsall // www.fordham.edu/halsall.

Наталья Петровна МАТВЕЕВА —

*профессор кафедры археологии,
истории древнего мира и средних веков,
доктор исторических наук;*

Владимир Михайлович КОСТОМАРОВ —
*аспирант кафедры археологии,
истории древнего мира и средних веков* —

*Институт истории и политических наук
Тюменского государственного университета
aetanol@utmn.ru*

УДК902(=511.1)

**К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА
НАСЕЛЕНИЯ ПАХОМОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ
ЛЕСОСТЕПИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ***

Аннотация. Статья посвящена проблеме погребального обряда пахомовской культуры. В оборот вводятся результаты исследования Усть-Терсюкского могильника, давшего уникальные материалы, позволяющие уточнить хронологию пахомовской культуры.

Summary. The article is devoted the specificity of funeral ceremony of the pakhomov culture. The authors employ the results of the examination of the Ust'-Tersyukskiy burial ground, that provided unique materials and allowed specifying the chronological scope of the pakhomov culture .

Ключевые слова. Погребальный обряд, пахомовская культура, Усть-Терсюкский могильник.

Key words. Funeral ceremony, pakhomovo culture, Ust'-Tersyukskiy of burial ground.

В конце II тыс. до н. э. в лесостепной зоне Западной Сибири на основе федоровского андроновского субстрата формируются новые культурные образования, получившие в археологической литературе название «андроноидные».

* Работа выполнена в рамках исследовательских и экспедиционных грантов аспирантов ТюмГУ за 2008 г.

Многие характеристики выделенной культуры продолжают оставаться спорными. Остро стоит вопрос о хронологии памятников, требуется детальное обоснование преемственности между федоровскими и пахомовскими древностями, не вполне ясно соотношение последних и сузгунской культуры во времени и пространстве.

Существенно влияние на состояние дискуссии о развитии андроновидных культур недостаточной публикации источников. Кроме того, нельзя не отметить малое количество изученных стационарными раскопками памятников, представленных в большинстве случаев поселенческими комплексами. Крайне скудны источники для реконструкции погребальной обрядности пахомовского населения. Так, известны лишь единичные погребения Лихачевского и Черноозерского-II могильников, которые были исследованы еще в 60-е гг. XX в. [1], а также погребения на площади поселков Пахомовская Пристань-1, Ново-Шадрино-VII [2], Усть-Китерья-1 и -4 [3].

В этой связи важным представляется введение в научный оборот материалов Усть-Терсюкского-2 могильника, полученных Н.П. Матвеевой в 2007 году.

Памятник находится в Шатровском районе Курганской области в 3 км к северо-западу от с. Барино, в смешанном лесу. Он открыт В.А. Ивановым и А.В. Гарустовичем в 1991 г. Могильник состоит из 10 курганов, расположенных цепочкой вдоль края высокой третьей надпойменной террасы р. Исети, все они задернованы, имеют следы ограбления в центре. Один из них исследован в 1991 г. и атрибутирован как средневековый [4].

В 2007 г. были изучены две насыпи — курганы 2 и 3.

Курган 2. Находился восточнее кургана 1 на краю террасы, имел диаметр насыпи 7 м, высоту с западной стороны — около 0,7 м, с других сторон — около 0,25 м. Насыпь несколько сползла по склону террасы, поэтому снизу она кажется больше. Распределение стратиграфических отложений позволяет говорить о двух эпизодах использования погребального сооружения: в бронзовом и раннем железном веках, причем основная часть насыпи была поздней, а раннее сооружение было невелико по высоте и, вероятно, только деревянное. При исследовании насыпи были обнаружены обрывки бересты, настланной крест на крест, на уровне погребенной почвы в центре и в юго-восточной части кургана. Между ними наблюдались угольки и отдельные черепки керамики. С рассматриваемым уровнем горизонта связано обнаружение ряда артефактов, представленных двумя маленькими мисочками, костями кабана (рис. 1).

К позднебронзовым комплексам кургана 2 отнесены погребения 1, 2, 4, 5.

Погребение 1 скорее всего было расположено на погребенной почве. Могильная яма не фиксировалась. Обнаружено по длинным костям ног, обломку кости черепа человека, лежавшим под берестой (рис. 2). В отдалении от них найдены черепок с отпечатками гребенчатого штампа и расчесов, угольки. Судя по сохранившимся полотнищам бересты, погребение могло быть ориентировано по оси ЮЗ-СВ. Предполагаем, что оно разрушено при возведении кургана в поздний период, когда насыпь нарезали из кусков дерна.

Погребение 2 (рис. 2). Находилось в северо-восточном секторе кургана, но фактически за пределами насыпи, оплывшей на него лишь частично. Обнаружено в погребенной почве по выступающим черепам и кускам коры и бересты над ними, остальные кости лежали ниже, но на 3-10 см выше материка. Здесь же, но на 20 см выше, были найдены два миниатюрных сосудика эпохи бронзы (рис. 2). Это коллективное безынвентарное погребение 6 человек, уложенных скорченно на боку головами на ЮЗ. Условные размеры погребения составляют 3,5 x 2,5 м.

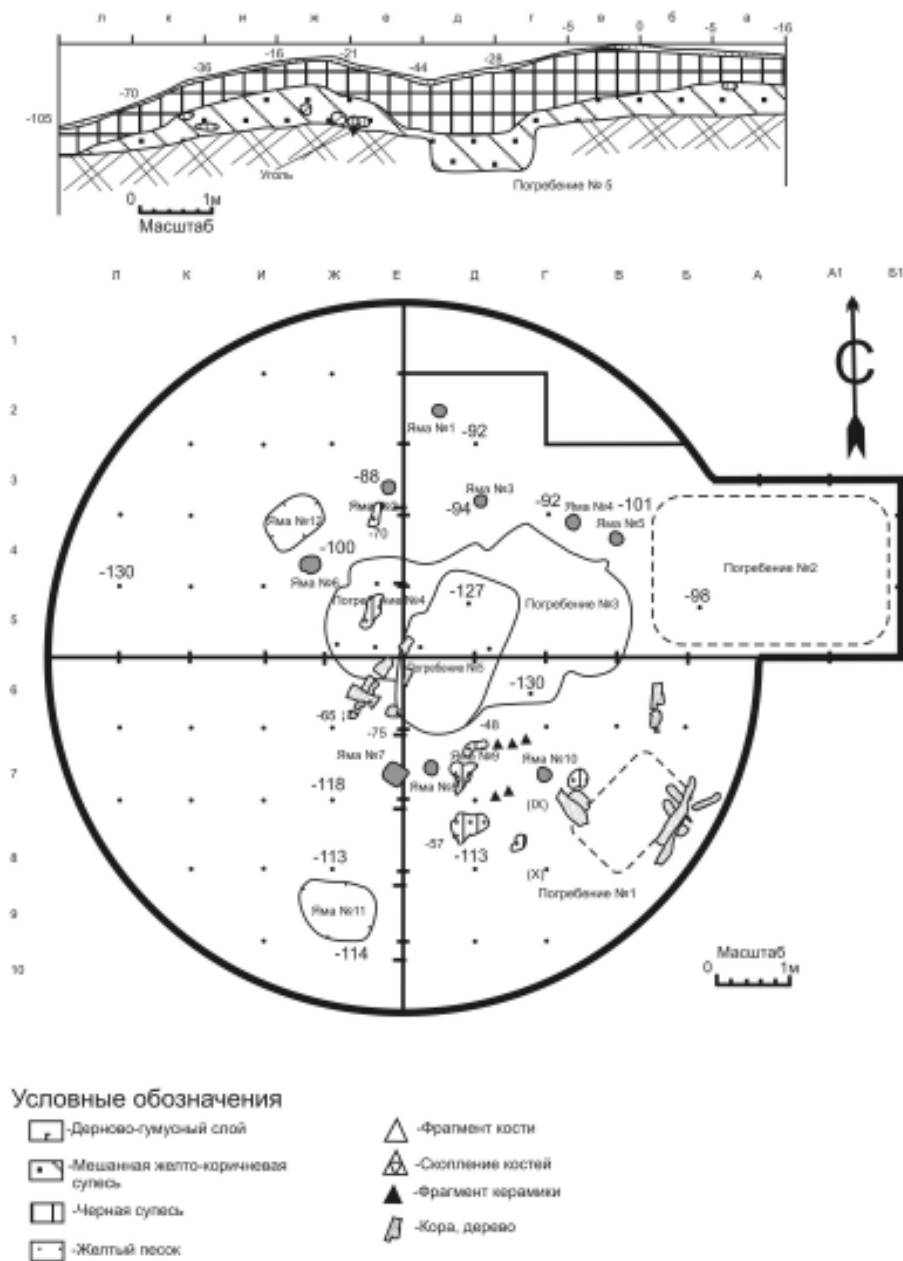

Рис. 1. План кургана № 2

Индивид 1, ребенок, вероятно, 6-10 лет, и индивид 3, женщина в возрасте около 20 лет, были помещены на левом боку, один за спиной другого, в скорченном положении, первый — головой на ЮЗ, третий — на юг. Кости ее ног (берцовые) были отодвинуты на 70 см к востоку, вероятно, при подхоронении индивида 2.

Сохранность костей скелета неудовлетворительная. У индивида 1 недостает костей грудной клетки. У индивида 2 нет лицевой части черепа, бедренные кости разошлись и раскололись, от стоп присутствуют только пяточные кости. Поза его — неестественная, но трудно заключить, почему таз отстоит от середины позвоночника больше, чем на полметра: был человек зарублен пополам или сдвинут по истлеванию скелета. Индивид 2 — мужчина в возрасте около 20 лет — лежал на правом боку, лицом ко второму, причем несколько поверх тела третьего, головой на ЮЗ. Костяк у индивида 3 — неполный, кости разбросаны по центральной части могилы. От индивида 4 сохранились только обломки длинных костей.

Индивиды 5 и 6 располагались поодаль, на расстоянии 70 см, также на правом боку, головами на ЮЮВ. Кости индивида 5 неопределимы, от черепа остались мелкие обломки, позвоночник выгнут дугой, правая согнута в локте (кисть у черепа), стоп нет, кости предплечья не сохранились. Индивид 6 — ребенок в возрасте 10-11 лет, лежал с согнутой спиной, череп раздавлен, запрокинут назад, грудная клетка — неполная, ноги согнуты под прямым углом, стопы и кисти не обнаружены. От индивида 4 остались мелкие обломки нижних конечностей, возможно, что его скелет был разрушен погребением 3.

Археологический материал из заполнения погребения 2 представлен единственным черепком с отпечатками шагающей гребенки из засыпки могилы, лежавшем поверх кости левой голени индивида 5. Предположительно, захоронения относятся к позднему бронзовому веку и совершены не одновременно. Судя по тому, что сосуды находились поверх бересты и скелетов, последние были помещены в берестяные короба, истлевшие впоследствии.

Погребение 3 (рис. 2). Полагаем, что оно находилось в овальной яме, слабо углубленной в материк под центром раннего погребального комплекса. Расположено в северо-восточной части центральной площадки. Максимальные размеры захоронения составляют 2,24 x 0,98 м. Могила ориентирована по оси СЗ-ЮВ. In situ лежали только большая и малая берцовые кости от одной ноги погребенного.

Погребение 4 (см. рис. 2). Расположено в северо-западной части от центра кургана, прорезано поздней саргатской могилой 5. Имеет прямоугольную форму со скругленными углами, углублено в материк на 3-4 см. Максимальные размеры могилы составляют 176 x 110 см. Погребение ограблено, костяк погребенного сдвинут. Ориентировано по оси СВ-ЮЗ. В могиле найдены кости человеческого скелета — кости ног, рук, ребра, три зуба, фрагмент челюсти, но череп отсутствует. На дне располагались 4 ямки, предположительно от столбов диаметром 20-25 см, глубина у них разная: у № 1 — 23 см, у № 2 — 19 см, у № 3 — 17 см, у № 4 — 15 см. Археологический материал представлен тремя фрагментами керамики, кусочком свернувшегося полотнища бересты или сосуда, а также бронзовым кельтом (рис. 2).

Интересными также представляются конструктивные особенности погребения — остатки конструкции дома мертвых, предположительно в виде каркаса на столбах. Не исключено, что с погребением 3 они составляли единое коллективное, подобно погребению 2, так как глубина у них близкая, а ямы сливаются то ли от вкопов грабителей, то ли вследствие близкого расположения.

Интересный объект представляет собой надмогильное сооружение. Вокруг могил выявлены остатки ям от столбов и поминальные ямы (рис. 2). Ямы №№ 1-10 оставлены столбами, вкопанными в материковую супесь по сторонам прямо-

угольника. Диаметр их, кроме ямы № 9, имевшей квадратное сечение (35 см), — 25-30 см, глубина — 7-10 см от материка. То есть столбы были установлены неглубоко от дневной поверхности и, следовательно, не были высокими.

Яма №12 — прямоугольной формы, находится с СЗ части насыпи. Ее размеры 60 x 80 см, глубина — 7 см, в ней были уголек, обломок кости, скорее всего, она имела ритуальный характер (рис. 2).

Рис. 2. Усть-Терсюкский-2 курганный могильник, курган № 2, планиграфия могилы № 2, 3, 4, 5

Помимо этого в саргатском погребении 5 были найдены обломки двух сосудов эпохи бронзы (рис. 5), что объясняется нарушениями, связанными с совершением погребения в эпоху раннего железа, которое и перерезает вышеописанные могилы.

Курган 3. Располагался на 0,3 км восточнее кургана и вниз по краю террасы. Диаметр насыпи составлял 6 м, высота с западной и южной стороны — около 0,9 м, с других сторон — около 0,3-0,5 м (рис. 3). Курган замыкает цепочку сооружений некрополя с юго-запада, он несколько сполз по склону террасы, поэтому снизу он кажется больше. Насыпь состояла из коричневой супеси, в середине ее прослежены три неправильной формы выброса на погребенную почву желто-коричневой супеси из могил. Здесь же встречены рассеянные отдельные черепки толстостенной посуды позднего бронзового века и кости животных.

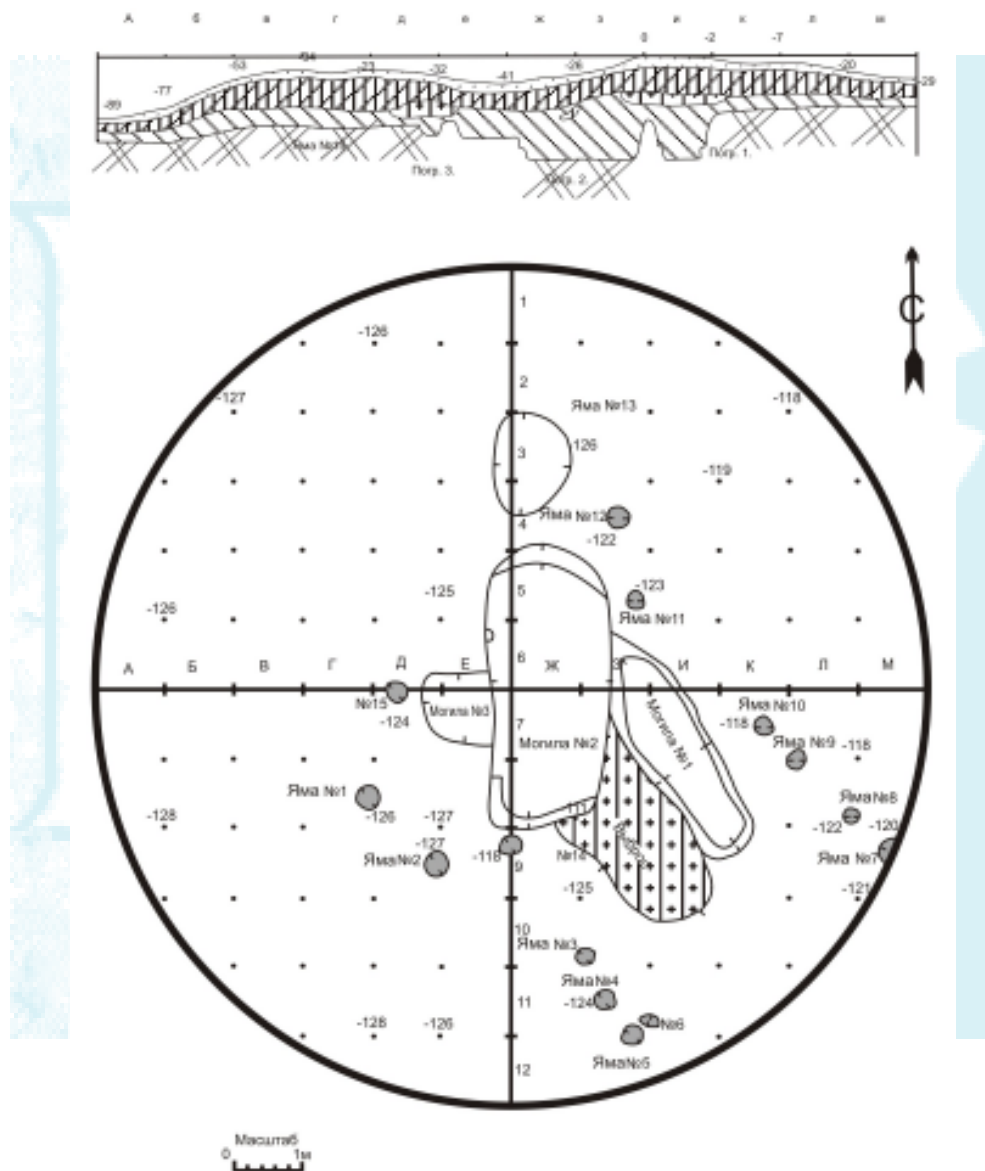

Рис. 3. Усть-Терсюкский-2 курганный могильник курган №3.
Планиграфия по матерiku

В кургане 3 было обнаружено два саргатских погребения, и одно, отнесенное к эпохе бронзы, которое мы и охарактеризуем.

Как и при исследовании кургана № 2, на материке после снятия насыпи фиксировались следы от столбовых ямок диаметром 20-35 см и глубиной 15-20 см от материка в количестве 15 штук. Углубления были расположены двумя параллельными рядами по линии СЗ-ЮВ на расстоянии 4 м друг от друга, длиной 9,3 м. Две ямки — №№ 1, 2 выступали за эту линию на 1,3 м к юго-западу. Предполагаем, что это было прямоугольное наземное строение, в которое помещали тела умерших.

Погребение 3 находилось в овальной яме, ориентированной по линии З-В, в центре площадки. Ширина могилы составляет 1,08 м, глубина — 0,17 м от материка, длина неизвестна, так как оно скрыто более поздней ямой погребения 2. У северной стенки найден крупный обломок сосуда эпохи поздней бронзы.

Таким образом, открытие Усть-Терсюкского-2 некрополя малоизученной пахомовской культуры предоставило новые данные о погребальном обряде как о бескурганых одиночных и коллективных ингумациях, с ориентировкой покойных в скорченном на боку положении головой на юг, юго-запад. Умерших, предположительно, укладывали в какие-то домики на столбах, тела их помещали в мелкое углубление в дерне зашитыми в бересту. Посуду ставили не в могилы, а около них.

Находки следов каких-либо конструкций, кроме могильных ям, на некрополях довольно редки. Так, в некоторых абашевских курганах в Прикамье отмечены следы оград. Остатки бревенчатых конструкций, в которых проводились погребальные церемонии, включавшие поминальные жертвы и кремации тел, обнаружены в ананьинском Першинском могильнике, там же сохранились следы берестяных коробов [5].

Переходя к атрибуции захоронений бронзового века исследованных курганов, отметим, что ее приходится проводить по керамике. Она собрана в могилах 2, 4, 5 и насыпи кургана 2, в кургане 3 найден обломок сосуда и разбитые горшки в насыпи (рис. 3, 4). В целом коллекция представлена шестью сосудами, четыре из них реконструируются по фрагментам венчиков. Два сосуда, сохранившиеся полностью, являются миниатюрными и неорнаментированными мисками со слегка отогнутыми наружу венчиками. По горловинам реконструированных горшков их диаметр определяем в 27-40 см, они имеют плавный профиль. Сосуды тщательно и аккуратно заглажены, среди примесей можно отметить шамот и песок, в изломе черепок имеет кирпичный и серый оттенок, прокален на всю глубину, изнутри сосуда также заглажены при помощи щепы (рис. 5). Из элементов орнамента можно отметить прочерченные линии, оттиски прямо и косо поставленного гребенчатого штампа, оттиски уголком лопаточки, горизонтальный штампованный зигзаг, сетка или же наклонные отрезки по краю горловины. В декоре используются скобовидные вдавления, меандровидные зигзаги с бахромой, насечки, образующие нисходящий ряд по косой сетке. Керамический комплекс находит самые близкие аналогии в материалах памятников пахомовской культуры: Пахомовская Пристань-1 Оськино Болото [6], Большой Имбиряй 10 [7]. От сузгунской посуды их отличает насыщенный декор, более приземистые и малые формы, присутствие угольковых вдавлений, в одном сосуде угадываются такие черты как многорядный горизонтальный зигзаг, мелкие насечки по краю венчика, приостренный профиль шейки, свойственные также бархатовской керамике. Заключая в себе некоторые сузгунские и бархатовские черты, впрочем, не особенно явные, керамика Усть-Терсюкского-2 могильника является оригинальным комплексом. Таким образом, анализ керамического материала дает основание атрибутировать исследованные погребения как пахомовские.

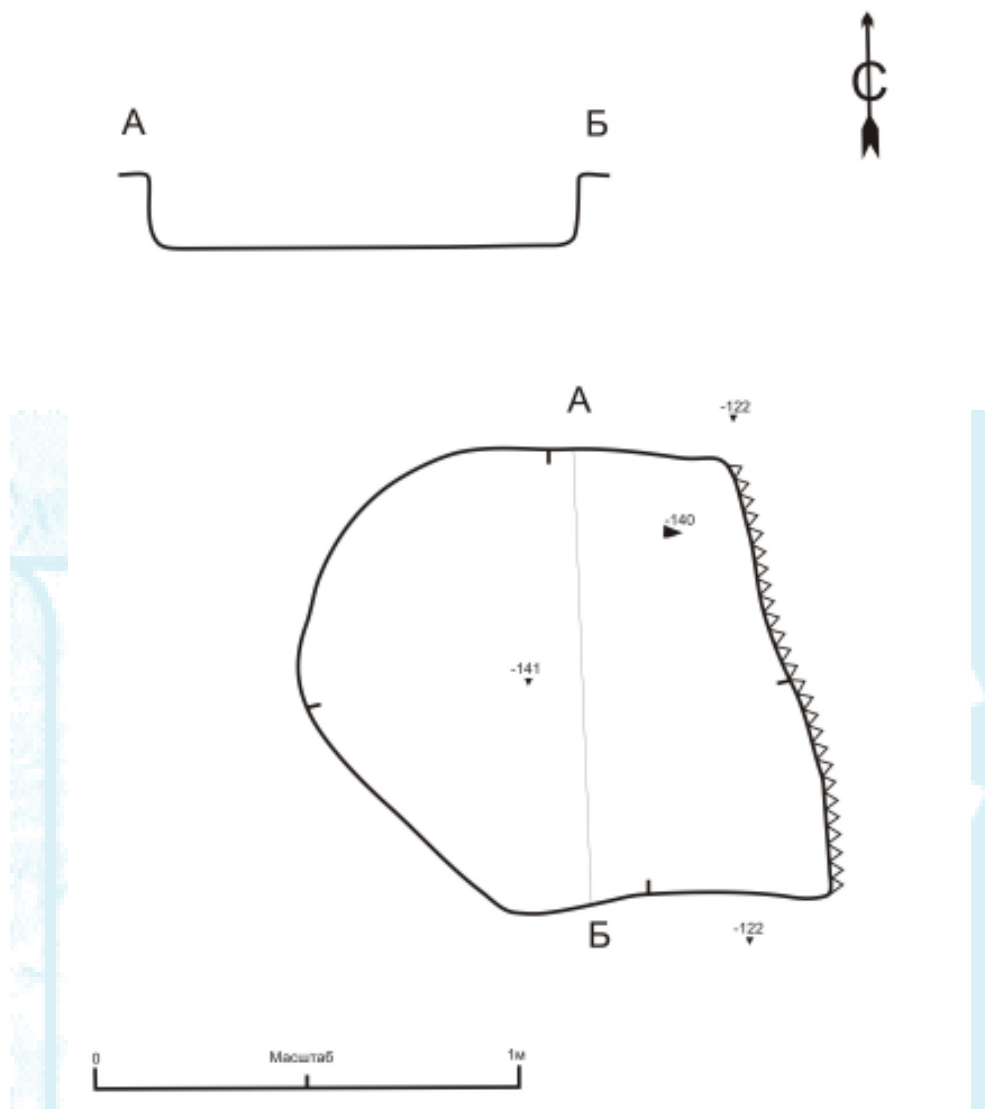

Рис. 4. Усть-Терсюкский-2 курганный могильник курган №3.
Инструментальный план по материку. Планиграфия могилы №3

В археологической литературе древности этой культуры датируют последней третью II тыс. до н. э. [8], [9]. Однако эту датировку позволяет обсуждать находка маленького бронзового кельта в погребении 4 кургана 2. Он одноушковый, с лобным ушком, прямоугольной формы, размером 3,5 x 7 см, с овальной втулкой и утолщением вдоль ее края, отверстием для крепления рукояти. Декорирован рельефным валиковым орнаментом в виде крупного штрихованного свисающего треугольника, занимающего всю плоскость, не вполне четкого из-за литейного брака. Аскозинско-меларские одноушковые кельты, наиболее близкие по размерам, обычно характеризуются небольшим расширением к лезвию и декором в виде параллельных валиков вдоль втулки [10]. Кельты раннеананинские прямоугольной формы, существенно отличаются по пропорциям, узорам, наличию разнообразных фасок. Как пишет Е.Н. Черных, ушковые кельты с пещеркой и суженным лезвием являются руководящими формами предананинского горизонта XII-VIII вв. до н. э.

Узор нашего изделия сходен с орнаментом случайной находки из с. Катайского в Зауралье, но наш несколько крупнее и более уплощенный [11].

Близкими по типу являются находки с культового места Сузгун II, это две глиняные модели одношковых кельтов, которые отнесены В.Т. Галкиным к VIII в. до н. э. [12]. Получается, что рассматриваемый кельт имеет диапазон бытования, который определяет датировку некрополя XII-VIII вв. до н. э., расходясь с общепринятыми взглядами на пахомовские древности, и крайняя дата VIII в. до н. э. может быть взята за основу определения верхней границы существования пахомовских древностей, что и подтверждается присутствием бархатовских черт на двух сосудах могильника (рис. 5).

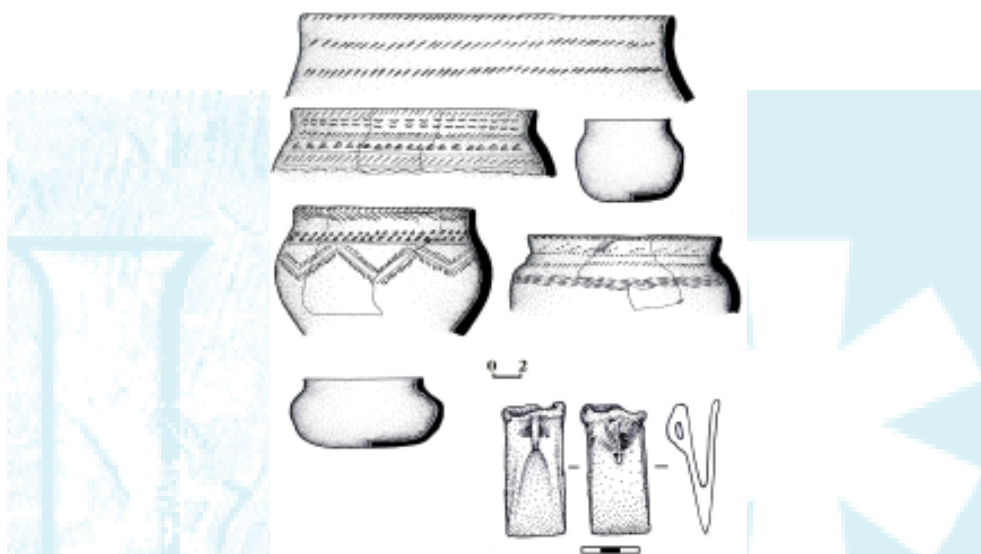

Рис. 5. Находки с площади могил

Помимо керамического материала, отдельные элементы погребального обряда, зафиксированного на Усть-Терсюкском-2 курганном могильнике, сходны с комплексами могильников Черноозерье-II и Лихачевский. Однако, при сравнении нужно учитывать два фактора: малочисленность изученных погребений — четыре могилы на первом и два захоронения на последнем; и плохую сохранность костного материала. Тем не менее, можно отметить следующее: вышеназванные памятники расположены в сходных ландшафтных условиях, на краю мысов надпойменных террас, на берегах крупных рек, погребенные были захоронены по обряду ингумации в неглубоких могильных ямах, имевших в плане овальную или подпрямоугольную формы и ориентированных по линии СЗ-ЮВ, либо С-Ю. Сопроводительный инвентарь представлен сосудами, расположенными рядом со скелетами, в изголовье или ногах.

На Усть-Терсюкском-2 могильнике отмечены самобытные черты: ориентировка умерших головами на запад-юго-запад; наличие каркасных деревянных надмогильных конструкций, а также коллективный характер захоронений кургана 2.

В этой связи обращает на себя внимание обнаружение человеческих останков при исследовании поселений пахомовской культуры. Они были найдены в зольниках поселений Ново-Шадрино-VII, Усть-Китерьма-1 и -4, в жилище на поселении Пахомовская Пристань-1. При этом отмечаем следующую особенность: погребения в зольниках — коллективные захоронения, а в жилищах — одиночные. О.Н. Корочкова предполагает, что традиция парциального захороне-

ния в зольниках — элемент погребального культа, связанный с хозяйственной деятельностью пахомовцев [13]. Эти захоронения вряд ли можно расценивать как одномоментные, так как вероятнее всего они совершались на всем протяжении использования зольника, что аналогично длительному формированию комплекса коллективного погребения 2 в представленном нами некрополе.

На наш взгляд, представляется интересным соотношение материалов Усть-Терсюкского-2 могильника и поселенческих комплексов в плане реконструкции погребального обряда пахомовцев. На основании имеющихся данных можно предполагать наличие нескольких вариантов обращения с телами умерших у пахомовских групп, обусловленных различиями во времени, причинах и обстоятельствах смерти, социальном статусе людей. Погребения в зольниках и жилищах встречаются во многих культурах западносибирской лесостепи, как в предшествующих, так и синхронных пахомовской. Так, кости человека обнаружены в культурном слое федоровского поселения Черемуховый куст [14]. Находки скелета человека сделаны и в жилище 5 на ирменском поселении Красный Яр-1, объясненные А.В. Матвеевым как вариант погребального культа быстровского населения [15]. Парциальные остатки скелетов людей в жилищах в ранние периоды развития андроновской общности, вероятнее всего, отражают жертвоприношения или хранение святынь культа предков, а ко времени распада андроновской семьи подобные действия могли стать постоянной практикой общин.

Рассматривая аналогии найденным предметам и анализируя погребальные памятники близких пахомовской культур, можно говорить, что наиболее сходными проявлениями погребального культа отличаются сузгунские памятники. Данное наблюдение не противоречит и нашим представлениям об участии носителей пахомовской культуры в сложении сузгунской культуры на правах основного субстрата.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Генинг В.Ф., Стефанов В.И. Могильники андронидной культурной общности Ишимской лесостепи // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск, 1991. С. 52-60.
2. Евдокимов В.В., Корочкова О.Н. Поселение Пахомовская Пристань-1 // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень, 1991. С. 50-63.
3. Полеводов А.В. Отчет о раскопках поселения Усть-Китерьма-1 в Крутинском районе Омской области летом 1997 г. Омск, 1998 // Материалы археологической экспедиции ОмГУ. Ф. П. Д. 124-1.
4. Иванов В.А. Отчет об археологических исследованиях в Шатровском районе Курганской области. Курган, 1992.
5. Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: ИД «Удмуртский университет», 2004.
6. Ткачев А.А. Поселение Оськино Болото (предварительное сообщение) // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Вып 2. Тюмень, 2000 С. 24-25.
7. Матвеев А.В., Аношко О.М., Костомаров В.М., Рыжкова Ю.В. Большой Имбирь-10 — новый памятник пахомовской культуры в Ингальской долине // Словцовские чтения-2003. Тюмень, 2003. С. 90-91.
8. Полеводов А.В. О типологическом и хронологическом соотношении сузгунских и пахомовских древностей // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул, 2002. С. 111-113.
9. Корочкова О.Н. Андронидные культуры Западной Сибири // Тез. докл. XII УАС. Екатеринбург, 1993. С. 93-95.
10. Патрушев В.С., Халиков А.Х. Волжские ананьинцы. М.: Наука, 1982.
11. Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.: Наука. 1970.
12. Галкин В.Т. К вопросу о хронологических рамках сузгунской культуры // Хронология и культурная принадлежность каменного и бронзового веков Южной Сибири. Тез. докл. науч. конф. Барнаул, 1988. С. 145-146.

13. Корочкова О.Н. Новое в изучении зольников и погребальных комплексов эпохи поздней бронзы Западной Сибири // Первые чтения памяти В.Ф. Генинга. Екатеринбург, 1999. Ч. 2. С. 55-63.

14. Зах В.А. Поселок древних скотоводов на Тоболе. Новосибирск, 1995.

15. Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск, 1993.

Виктор Владимирович ПУЗАНОВ —
зав. кафедрой дореволюционной
отечественной истории,
кандидат исторических наук
Удмуртского государственного университета
(г. Ижевск)
history@udm.ru

УДК 94(470) «08|09»(045)

ОТРАЖЕНИЕ ИЕРАРХИИ ЭТНИЧЕСКИХ СТАТУСОВ ЭПОХИ ОБРАЗОВАНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА В «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

Аннотация. В статье реконструируются представления летописца об иерархии этнических статусов и месте в ней восточнославянских племен.

Summary. The author of the article tries to reconstruct the system of views of chronicle («Povest' vremennykh let») on the ethnical hierarchy and the place of East-Slavic tribes in it.

Ключевые слова. «Повесть временных лет», этнический статус, восточнославянские племена.

Key words. «Povest' vremennykh let», ethnical hierarchy, East-Slavic tribes.

В истории можно найти немало примеров, когда те или иные народы возводят родословную к легендарным предкам (троянкам, римлянам и т. п.), родство с которыми престижно и тешит «национальное» самолюбие. Напротив, родство с некоторыми народами, даже вполне реальное, считается нежелательным и посему отвергается на разных уровнях — от официального до бытового. Как бы то ни было, в традициях каждого этноса имеется своя градация других этносов по уровню престижности и более или менее разработанная система представлений о собственном месте в этой иерархии. Сложилась такая система и в Древней Руси. Оставив в стороне далекие и мифические народы, рассмотрим место в иерархии славян, хазар и варягов — основные этнические силы, противостоящие в Восточной Европе в эпоху становления Древнерусского государства.

Для древнерусской книжности характерен высокий уровень славянского этноцентризма. «Повесть временных лет» (далее ПВЛ) не является исключением. Летописца интересовали, в первую очередь, славяне — их происхождение, расселение, приобретение славянской грамоты, принятие христианства и противостояние с другими «языцами» (народами). Даже в описании народов полиэтничной Руси ПВЛ, как представляется, отмечает «инии языци» в большей степени для того, чтобы четче подчеркнуть, что «се бо токмо словенескъ языкъ в Руси...». Налицо оппозиция: славянская Русь — неславянские этносы, «иже дань дають Руси» [1].

Среди восточнославянских «племен» в ПВЛ существует собственная иерархия. Высшую ступень в ней занимают *мудрые и смысленые поляне*, противопоставленные древлянам, радимичам, вятичам, северянам и прочим поганым, не